

ДОБРОЛЮБОВ Н.А

Николай Александрович Добролюбов родился 24 января 1836 года в Нижнем Новгороде. История развития и заболевания Добролюбова воссоздана на основании профессионального клинического анализа материалов дневниковых записей (1852-1859 годов), писем (1848-1861 годов), а также воспоминаний современников.

Судя по дневниковым записям и письмам, при поступлении в педагогический институт Николай Добролюбов был здоров. Об этом свидетельствует, в частности, письмо родителям от 6 сентября 1853 года, в котором он сообщает о проводившемся медицинском освидетельствовании студентов: «...пришли мы на докторский осмотр...Я оказался здоровым как нельзя больше». В его письмах родственникам на протяжении 1853-1854 годов часто фигурирует извещение о хорошем самочувствии: «Я здоров и весел», «Я совершенно здоров». Следует отметить, что после смерти родителей в 1854 году (с интервалом менее полугода) Добролюбов был очень озабочен судьбой семи своих младших сестер и братьев. Будучи студентом, не оставляя учебу, он с 1855 года начинает давать частные уроки, очень устает, возвращается в общежитие института поздним вечером. Условия жизни большинства «казеннокоштных» студентов были тяжелыми: скудное питание, зимой холодные шинели без подкладки

Есть основания полагать, что начало заболевания Добролюбова туберкулезом можно отнести к весне 1855 года. Так, в письме Колосовским (сестре матери и её мужу) от 24 марта 1855 года он сообщает, что «...недавно простудился и недели две лежал в больнице.... До сих пор чувствую слабость».

ДОБРОЛЮБОВ В мае 1858 года в письме Е. Н. Пищуровой сообщает «теперь страдаю грудью. Посылают в Оренбург, на кумыс, но это для меня слишком далеко: всего вероятнее, что я решусь провести лето в старой Руссе». Пребывание в старой Руссе летом 1858 года, по мнению Добролюбова, не принесло ему ощутимой пользы. Об этом свидетельствует и А. Я. Панаева в своих воспоминаниях. В письме А. П. Златоврацкому от 1 августа 1858 года он жалуется: «что-то ломит, давит, теснит меня. Я точно в угаре хожу целый день». В течение 1859 года в письмах не сообщается потребностей по дальнейшему развитию заболевания. Имеются лишь сведения типа: «...я все хвораю» (И. В. Бордюкову от 5 сентября 1859 года), «...я подвергался в течение зимы разным болезням...» (А. В. Златовратскому, апрель 1860 года). Однако, судя по письмам более позднего периода (их содержание будет приведено ниже), в течение осени и зимы 1859-1860 годов у Добролюбова были, сильный кашель боли в груди. К весне 1860 года состояние его здоровья существенно ухудшается. А. Я. Панаева вспоминает: «Когда по утрам он приходил ко мне пить чай, в его лице не было кровинки; он страдал бессонницей, отсутствием аппетита и чувствовал сильную слабость». Врачи рекомендуют Добролюбову поездку за границу для лечения. В апреле было получено «высочайшее» разрешение отпуска из 2-го кадетского корпуса, в котором Добролюбов преподавал. Напомним читателю, что в этом же кадетском корпусе позже учился С. Я. Надсон («БЦЖ», 1999, №4). В середине мая 1860 года Добролюбов выезжает в Берлин, а затем в Дрезден, откуда пишет П. Н. Казанскому (9 июня 1860 года): «два раза был у Вальтера, который нашел, что во мне может развиваться расположение к серьёзным грудным страданиям». Это значит, что надо предупредить чахотку, и для того я отправляюсь в Интерлакен».

Из письма Н. А. Некрасову (из Интерлакена) от 8 июня 1860 года: «Грудь у меня очень расстроена...кашель усилился, горло

заболело, дышать стало тяжело... (Вальтер) послал меня в Интерлакен лечиться сывороткой... Я был очень плох.... Вздумал было я раз подняться на одну из самых маленьких гор здешних, - так куда теперь-два часа откашляться не мог». В письме сестре от 28 июля 1860 года Н. А. Добролюбов сообщает: «Интерлакен – это швейцарская деревня, куда меня отослали лечиться сывороткой и альпийским воздухом, а главное отдыхом от дела...Доктора утверждают, что чахотки у меня нет, только не велят в Петербург ехать на зиму, а провести ее в Италии или на юге Франции».

Ф.В. и М.И. Благообразовым 29 июля 1860 года Николай Александрович пишет: «...я был сам не свой целую осень и зиму. Грудь болела, кашель душил меня полгода так, что только стон стоял в комнате... я чувствовал, что еще немного – и у меня откроется чахотка».

После пребывания в Интерлакене у него отмечается некоторое улучшения состояние здоровья. В течение августа – сентября Добролюбов находился во Франции (Дьепп, Париж). В письме В. И. Добролюбову от 3 октября 1860 года он пишет: «кашель почти совсем провалился». С декабря 1860 года по июнь 1861 года Добролюбов посещает Генную, Ниццу, Флоренцию, Венецию, Неаполь, Милан, Рим, Мессину и другие города Европы.

Во время пребывания в Мессине Добролюбов влюбился в молодую итальянку Ильдегонду Фиокки и даже хотел жениться на ней. В своих воспоминаниях Д. П. Сивальчевский утверждает, что родители девушки рекомендовали Добролюбову проконсультироваться у местного врача, пользовавшегося репутацией знаменитого диагноста. Осмотрев Добролюбова, врач объявил родителям, что больному осталось жить несколько месяцев. Достоверность этого факта, однако, вызывает сомнения у некоторых исследователей жизни и творчества Добролюбова.

Из Мессины Добролюбов направляется в Афины, а оттуда, пароходом – в Одессу и уже 13 июля сообщает Н. Г. Чернышевскому: «...у меня хлынула кровь горлом». Здесь уместно подчеркнуть, что речь идет не о кровохаркании, а о легочном кровотечении, ибо кровь «хлынула». Следует заметить, что обильное легочное кровотечение, как правило, обусловлено нарушением целостности крупного кровеносного сосуда в каверне (полости в легком). Из Одессы по пути в Нижний Новгород он посетил Харьков и Москву. В Харькове Добролюбов встретился с бывшем студентом Главного педагогического института Л. Н. Самсоновым, который в своих воспоминаниях пишет: «Я не узнал его; меня поразило его изможденное лицо и непрерывный кашель. К. В. Лаврский (брат семинарского друга), встречавшийся с Добролюбовым в Нижнем Новгороде, отметил прозрачность кожи и зловещий румянец щек».

С момента возвращения из-за границы болезнь начинает быстро прогрессировать. Уже 15 сентября 1861 года следует сообщение тетушке (В.Ф. Благообразовой): «Как только приехал в Петербург, так и почувствовал себя хуже...и грудь болела, и кашель усилился, и приливы к голове начались...» В письме Н. А. Некрасову от 21 сентября Добролюбов пишет: «Я все в хворном расположении. Однако пишу кое-как и читаю корректуры», а Н. А. Маркович от 5 октября 1861 года пишет: «Пишу в постели, вот уже с лишком месяц лежу».

По свидетельству А. Я. Панаевой, в октябре 1861 года в связи с ухудшением состояния больного Н. А. Некрасов пригласил на консультацию доктора Шипулинского, который, выслушав Добролюбова, высказал весьма пессимистический прогноз: он объяснил Некрасову, что больному уже не встать. И действительно, силы Добролюбова уже не восстановились, с каждым днем он физически слабел, угасал, ему даже трудно было сидеть в кресле.

Он больше лежал на кушетки, но продолжал работать. С начала ноября он уже не вставал с постели. Младший брат Добролюбова Владимир, живший в Петербурге с осени 1857 года, и другие современники указывают в воспоминаниях, что больного посещал С. П. Боткин и его ассистент П. И. Боков.

В отделе рукописей института русской литературы хранится письмо С. П. Боткина П. И. Бокову, в котором содержится профессиональные советы по лечению больного. Давая общую клиническую оценку содержания этого короткого письма, следует отметить, что в нем обсуждается вопрос о назначении больному железосодержащего препараты, который показан при гипохромной (железодефицитной) анемии. Последняя могла быть следствием повторных легочных кровотечений и (или) нарушения всасывания железа ввиду недостаточного содержания в желудке свободной соляной кислоты.

В течение октября – ноября 1861 года А. Я. Панаева самоотверженно ухаживала за Добролюбовым, который, по словам Н. Г. Чернышевского, «вверял ей свои последние мысли, умирая».

Смерть наступила в 2 часа ночи 19 ноября 1861 года. Н. А. Добролюбов был похоронен на Волковском кладбище рядом с В. Г. Белинским. И. И. Панаев писал: «Смерть соединила Добролюбова с Белинским. Белинский дождался достойного гостя...» а в двух шагах от них покоится С. Я. Надсон. Всех троих преждевременно свела в могилу «злая сухотка».